

Советское искусство

г. Москва

5/ Ноя. 1937г

Николай ПОГОДИН

В 1914 г. я окончил начальное училище. Я был одним из «первых учеников» и поэтому мог бы устроиться в гимназию, — начальница нашего училища хотела поместить меня туда на казенный счет. Но что это такое «казенный счет»? Это освобождало лишь от платы за право учения. Мы подсчитали с матерью и сестрой, которая меня воспитывала, во что обойдется покупка учебников, тетрадей, «формы», и вышло так, что в течение семи лет матери и сестре пришлось бы работать на меня одного.

Я пошел «мальчиком» в мануфактурный магазин учиться быть «приказчиком». Это был завидный удел для многих моих сверстников. В магазин можно было устроиться только по «рекомендации», понравившись хозяину, потом управляющему, потом старшему приказчику... Обо всем этом хочется написать для нашего юношества. Магазины я не понравился, а магазин — мне. Приказчики были, как на подбор, невежественны и глупы безобразно. Они, например, всерьез спорили, есть ли земля наша — шар? Я позволил себе вмешаться в спор их, получил по шее, меня сразу и удивительно дружно возненавидели и выгнали из магазина.

Мы детьми знали безработицу. Я скитался по лавкам и конторам найма, ища работы.

Судьба представлялась ужасной. Из-за близорукости мне не удавались ремесла, а для интеллигентного труда я не имел образования.

Только такие гиганты интеллекта, мысли и дарования, как Максим Горький, умели преодолеть страшные, как трясина, засасывающие условия жизни, о которой так просто теперь говорится: «старый режим». В 18 лет я ничего не ждал и ничего не хотел. Мой сверстник и первый друг детства стал в 18 лет вором, налетчиком и погиб.

Я тайком писал стихи. Очень плохие. Подражал Северянину. Прочесть их было стыдно, хотя стихи мне казались прекрасными. Меня бы засмеяли.

В начале 1920 года биография моя однажды и навсегда определилась. Я принес — уж не помню что — в ростовскую газету «Трудовая жизнь». Меня заметили, стали посылать за хроникой. Стали присматриваться к моим писаниям. Школили, заставляли читать.

В начале 1922 года «Правда» напечатала первую мою корреспонденцию. Через несколько дней я получил от М. И. Ульяновой телеграмму с предложением стать постоянным корреспондентом «Правды».

Это лучшие даты моей жизни.

А через 8 лет, уже будучи постоянным сотрудником «Правды», я написал свою первую пьесу, которая и определила мой путь в советском театре.

В юности я думал о самоубийстве — лишний в мире, оборванец. Сейчас мне 37 лет. Передо мной прекрасные перспективы, неисчерпаемые возможности труда, счастья, творчества.